

О любви. Сергей Александрович Есенин

Екатерина Маркова. «Я люблю другую...»

Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

С. Есенин

Трудно найти у Сергея Есенина стихи не о любви. Любовь – мироощущение Есенина. Он явился на свет, чтобы любить, жалеть и плакать над каждым теленочком, сломанной березой, деревней, раздавленной стальными дорогами городов...

Его любовь к Земле, родившей каждое деревце – чувственна. Под небом, обнимающим землю, березка задирает юбку... Всеохватность эротического чувства, доходящего до религиозности... Есенин чужд пантеизму, он православный крестьянин, только христианство его – на вольном ветре рязанщины, другое. Правую щеку он подставляет пурге, урагану. Жалость – разлита в его творчестве, жалость к каждому кобелю...

Гораздо меньше у Есенина стихов, обращенных к женщине. В этих стихах Сергей Есенин как бы перебарывает свою природу. В деревне не принято, глубоко, исторически не принято, выказывать свои чувства... От невесты до жены – расстояние как от неба до земли.

Он не мог бы, например, подобно Блоку, назвать Русь женой, для крестьянского уха – это почти кощунственно по отношению к Родине...

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
Да, ты кажешься мне распростертой, И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой, Ловит воронов и воронят.
Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.
Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень...

Есенин сравнивает женщину с хитроумной лисой, ему ближе и понятней лиса, чем женщина. В деревне все ясно, вот девушка-невеста, ее век краток, как ранняя весна. А вот – мать семейства, быстро теряющая молодые черты в круговых заботах о доме. Невеста – это девство в самом сакральном смысле этого слова. Мариенгоф пишет в своей книге: «Зинаида (Райх, мать двоих детей Есенина. – Е. М.) сказала ему, что он у нее первый. И соврала. Этого – по-мужицки, по темной крови, не по мысли – Есенин никогда не мог простить ей. Трагически, обреченно не мог... Всякий раз, когда Есенин вспоминал Зинаиду, судорога сводила его лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулак: «Зачем соврала, гадина!»

В городе, да еще начала XX века, да еще в богемной среде, невестой остаются чуть не на всю жизнь. Манящей, ищущей жениха, но

невестой скорее от лукавого...

Поэтический дом Есенина расширен до мироздания, где «в уши сыпятся звезды... вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня».

Муза Есенина помнит «тайну древних отцов вытираться листвою... долг жизни по солнцу», «отношение к вечности, как к родительскому очагу» – в этом благословение жизни для Есенина. Такова его «избяная Литургия».

Другое, чуждое его миропорядку, восприятие, душа Есенина не приемлет и не смиритсЯ с ним. Его бунт – в самоистреблении, бунт не просто против стальной конницы, бунт этот против разрушенного мироздания, созданного предками...

Там, где капустные грядки

Красной водой поливает восход,

Клененочек маленький матке

Зеленое вымя сосет.

Стихи 1910 года, написанные в 15 лет, Есенин таким оставался до могилы... Он никак не мог жить взрослой прагматичной жизнью, по Есенину, для души – это гроб. Его проклятья в адрес женщин происходят от великой любви, от недостижимого, созданного еще в ранней юности воображением поэта Образа...

Сыпь, гармоника. Скука... скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мной, паршивая сука,

Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали –

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь так синими брызгами?

Али в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,

Пугать ворон.

До печенок меня замучила

Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.

Пей, выдра, пей.

Мне бы лучше вон ту, сисястую, — Она глупей...

Но вот конец стихотворения, —

К вашей своре собачей

Пора простыть.

Дорогая, я плачу,

Прости...прости...

В глубоко чуждом, где чиста только гармонь, которая становится одушевленной, поэт, прозревая святую женскую природу, говорит: «Дорогая, я плачу...»

Если перенестись во времени и пространстве, вспоминается знаменитая сцена с Марлоном Брандо в фильме «Последнее танго в Париже», где герой посылает проклятья уже во гроб своей любимой, но изменявшей жене...

У Есенина скандал – почти всегда Плач, тот самый народный Плач, с заглавной буквы...

В детстве, первую свою влюбленность (это была Анна Сардановская), он пережил словно гётевский Вертер – трагично, напился уксусной эссенции, но испугался и выпил много молока... Анна – это дочь родственников константиновского священника, которые приезжали на лето. Два лета девочка увлечена была поэтическим Сергеем с конфетной внешностью Леля, они уже считались женихом и невестой, а на третье – выросла выше крестьянского мальчишки и влюбилась в другого...

В эти годы написано:

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну как цвет, Хмельному от радости пересуду нет...

Любовь – это слишком больно... Сергей Есенин, похоже, решил заглушить в себе самую возможность влюбиться – эта боль не совмещалась с желанием стать известным поэтом...

В Москве он сошелся с нелюбимой, но замечательно чуткой и культурной барышней Анной Изрядновой, родился сын... Есенин презирал себя за нелюбовь, за некий расчет в этих отношениях, что никак не вписывалось в его понятия о чести... «Мое я – это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, – и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека, – у меня... Если я буду гений, то вместе с этим буду поганым человеком...» – пишет он своему другу Марии Бальзамовой. Подпись в письме – «прохвост Сергей Есенин».

Душа нуждалась в покаянии... Город, украшенный полупустыми, осмеянными церквями, мог дать только богемную среду да откровения в «Бродячей собаке»...

С неприкаянностью медведя-шатуна, разбуженного от прекрасного сна слиянности с природой, он разрушал чужие жизни, жизни женщин, любивших его. Скоропалительная женитьба на Зинаиде Райх, которую он оставил в конце концов с двумя детьми, оставил в пожизненной растерянности и недоумении... Увлеченность Айседорой Дункан, связанная с экзотичностью отношений. В возрасте уже танцовщица с мировым именем испытывала к нему материнские чувства...

Что-то похожее на первую любовь проявилось к актрисе Августе Миклашевской, но ее спас, по-видимому, платонизм любви Есенина...

Любовная лирика Есенина – собирательна, она посвящена какой-то другой, не встреченной женщине...

Лидия Кашина, соседская дочь толстосума, замужняя с двумя детьми, считается прообразом Анны Снегиной. Но в поэме просвечивают черты и Анны Сардановской и других... Не встретил Есенин на земле среди женщин ни одной, своей, подобно создателю Экклезиаста...

Любовь Есенина – из другого измерения. В этом загадка его неслыханной популярности. До сих пор на его могиле ночуют бродяги и читают перевирая: «И глухо, как от подачки,/ Когда бросят ей камень в смех,/Покатились глаза собачьи *Золотыми звездами в снег...*»р>

А сколько подражателей. В избах, в камерах тюрем и просто за студенческой скамьей Литинститута... У сердца – наколка «Не жалею, не заву, не плачу»... Есенин случаен в плеяде поэтов, даже самых лучших. Он другой, он – внуче Велесов.

Подобно двум следователям (добрый и злой), большевицкие главари то кнутом бухаринских статей, то пряником пытались приручить Душу России, они чувствовали, что выразитель ее именно Есенин. Не приручив – расправились... Жизнь Есенина – суть притча о судьбе России.

В северных губерниях про ненастье говорят: Волцы задрали солнечко.

Стихотворения

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу, Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок, Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй

С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня, Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряде солнечных дней время выткало нить...

Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон, Все мне чудился тихий раскованный звон.

[1910]

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари, Есть тоска веселая в алостях зари.

[1910]

Дымом половодье

Зализало ил.

Желтые поводья

Месяц уронил.

Еду на баркасе,

Тычусь в берега.

Церквами у прясел

Рыжие стога.

Заунывным карком

В тишину болот

Черная глухарка

К всенощной зовет.

Роща синим мраком

Кроет голытьбу...

Помолюсь украдкой

За твою судьбу.

[1910]

Сыплет черемуха снегом,

Зелень в цвету и росе.

В поле, склоняясь к побегам,

Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,

Пахнет смолистой сосной.

Ой вы, луга и дубравы, —

Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,

Светятся в душу мою.

Думаю я о невесте,

Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,

Пойте вы, птахи, в лесу.

По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

[1910]

Под венком лесной ромашки

Я строгал, чинил челны,

Уронил кольцо милашки

В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,

Как коварная свекровь.

Унесла колечко щука,

С ним – милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,

Я пошел с тоски на луг,

Мне вдогон смеялась речка:

«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:

Там смеются надо мной,

Повенчаюсь в непогоду

С перезвонною волной.

[1911]

Хороша была Танюша, краше не было в селе, Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.

У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру, Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой: «Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.

Душегубкою-змеєю развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу, Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».

Не заутренние звоны, а венчальный переклик, Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет Танина родня, На виске у Тани рана от лихого кистеня.

Алым венчиком кровинки запеклися на челе, —Хороша была Танюша, краше не было в селе.

[1911]

Темна ноченька, не спится,

Выйду к речке на лужок.

Распоясала зарница

В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка

В лунных перьях серебра.

Выходи, мое сердечко,

Слушать песни гусяра.

Залюбуюсь, загляжусь ли

На девичью красоту,

А пойду плясать под гусли,

Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,

На шелковы купыри,

Уведу тебя под склоны

Вплоть до маковой зари.

Моя жизнь

Будто жизнь на страданья моя обречена; Горе вместе с тоской заградили мне путь; Будто с радостью жизнь навсегда разлучена, От тоски и от ран истомилася грудь.

Будто в жизни мне выпал страданья удел; Незавидная мне в жизни выпала доля.

Уж и так в жизни много всего я терпел, Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит, А дойду – только слышатся вздохи да слезы, Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман, Не ропщу на свою незавидную долю.

Не страдает душа от тоски и от ран, Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

1911—1912

Что прошло – не вернуть

Не вернуть мне ту ночь прохладную, Не видать мне подруги своей,

Не слышать мне ту песню отрадную, Что в саду распевал соловей!

Унеслася та ночь весенняя,

Ей не скажешь: «Вернись, подожди».

Наступила погода осенняя,

Бесконечные льются дожди.

Крепким сном спит в могиле подруга, Схороня в своем сердце любовь.

Не разбудит осенняя вьюга

Крепкий сон, не взволнует и кровь.

И замолкла та песнь соловьиная,

За моря соловей улетел,

Не звучит уже более, сильная,

Что он ночью прохладною пел.

Пролетели и радости милые,

Что испытывал в жизни тогда.

На душе уже чувства остывшие.

Что прошло – не вернуть никогда.

1911—1912

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул

за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица припаски жениха.

[1910—1912]

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погодала красна девица в семик.

Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной, Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора, —

Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рожи ели льют,

Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна, Ткет ей саван нежнопенная волна.

Узоры

Девушка в светлице вышивает ткани, На канве в узорах копьё и кресты.

Девушка рисует мертвых на поляне, На груди у мертвых — красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго героя, Тот герой отважный — принц ее души.

Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя, И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.

Девушка склонилась. Помутился взор.

Девушка тоскует. Девушка рыдает.

За окошком полночь чертит свой узор.

Траурные косы тучи разметали.

В пряди тонких локонов впуталась луна.

В трепетном мерцанье, в белом покрывале

Девушка, как призрак, плачет у окна.

1914

Девичник

Я надену красное монисто,

Сарафан запетлю синей рюшкой.

Позовите, девки, гармониста,

Попрощайтесь с ласковой подружкой.

Мой жених, угрюмый и ревнивый,

Не велит заглядывать на парней.

Буду петь я птахой сиротливой,

Вы ж пляшите дробней и угарней.

Как печальны девичьи потери,

Грустно жить оплаканной невесте.

Уведет жених меня за двери,

Будет спрашивать о девической чести.

Ах, подружки, стыдно и неловко:

Сердце робкое охватывает стужа.

Тяжело беседовать с золовкой,

Лучше жить несчастной, да без мужа.

1915

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,

Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук,

Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот,

Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер, Что была ты песня и мечта,

Всё ж кто выдумал твой гибкий стан

и плечи —

К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

[1915—1916]

Опять раскинулся узорно

Над белым полем багрянец,

И заливается задорно

Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой

Ты кажешь девичью красу,

И треплет ветер под косынку

Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясь, пляшет,

То выныряя, то пропав,

Не заморозит, не обмашет

Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала снится

Полей малиновая ширь,

Тебе – высокая светлица,

А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней

И легкодымней пелена.

Я буду ласковый послушник,

А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем

Грустить в упругой тишине:

Я по тебе – в глухом тумане,

А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю

Ни тихих ласк, ни глубины.

Глаза, увидевшие землю,

В иную землю влюблены.

Белая свитка и алый кушак,

Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом хоровод,

Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб: «Что же, красив ты, да сердцу не люб.

Кольца кудрей твоих ветрами жжет, Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил: Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены, Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда, В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо, Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,

Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет,

Только не мне она песни поет.

Я по первому снегу бреду,

В сердце ландыши вспыхнувших сил.

Вечер синею свечкой звезду

Над дорогой моей засветил.

Я не знаю – то свет или мрак?

В чаще ветер поет иль петух?

Может, вместо зимы на полях,

Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.
О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.
Вот оно, глупое счастье,
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихо закат.
Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.
Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.
Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!
Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.
Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.
Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.
Не силен тот, кто радости просит, Только гордые в силе живут.

А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.
Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить пороша.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.
Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

[1916]

Л.И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?
Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.
И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.
Луна стелила тени,
Сияли зелена.
За голые колени
Он обнимал меня.
И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.
Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.
И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.
Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.
Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость,
Всё любя, ничего не желать?

[1918]

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шпаться босиком.
Дух бродяжий, ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.
Я теперь скуперее стал в желаньях, Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тленны, Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процветать и умереть.

[1922]

Я обманывать себя не стану,

Залегла забота в сердце мгlistом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,

Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса,

Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу.

Для зверей приятель я хороший,

Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —В глупой страсти сердце жить не в силе, —В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,

Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омусть в сердце мгlistом.

Оттого прослыл я шарлатаном,

Оттого прослыл я скандалистом.

[1922]

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мною, паршивая сука,

Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь так синими брызгами?

Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,

Пугать ворон.

До печенок меня замучила

Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.

Пей, выдра, пей.

Мне бы лучше вон ту, сисястую, —Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую...

Не мало вас,

Но с такой вот, как ты, со стервою

Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче,

То здесь, то там.

Я с собой не покончу,

Иди к чертям.

К вашей своре собачьей

Пора простыть.

Дорогая, я плачу,

Прости... прости...

[1923]

Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот – и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,

Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!

Всё сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать,

Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной,

Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет со мной, —Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

[1923]

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад, Был на женщин и зелье падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз злато-карий омут,

И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,

Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

[1923]

Ты такая ж простая, как все,

Как сто тысяч других в России.

Знаешь ты одинокий рассвет,

Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,

Я по-глупому мысли занял.

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязнях.

Я на эти иконы плевал,

Чтил я грубость и крик в повесе, А теперь вдруг растут слова

Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,

Слишком многое телу надо.

Что ж так имя твое звенит,

Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал

И умею расслышать за пылом:

С детства нравиться я понимал

Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег

Для тебя, для нее и для этой.

Невеселого счастья залог —

Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,

Словно в листья, в глаза косые.

Ты такая ж простая, как все,

Как сто тысяч других в России.

[1924]

Пускай ты выпита другим,

Но мне осталось, мне осталось

Твоих волос стеклянный дым

И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне

Дороже юности и лета.

Ты стала нравиться вдвойне

Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,

И потому на голос чванства

Бестрепетно сказать могу,

Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.
И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.
Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.
Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль, Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.
Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.
[1923]

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.
Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Всё явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.
Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.
Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...

Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.
Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,
Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.
Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

[1923]

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.
Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.
Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.
Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.
Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы

И отшумим, как гости сада...

Коль нет цветов среди зимы,

Так и грустить о них не надо.

[1923?]

Ты прохладой меня не мучай

И не спрашивай, сколько мне лет, Одержимый тяжелой падучей,

Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески – в дым, Что я буду богат и известен

И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с избытком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже, —

От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы как жечь.

Знаю, чувство мое перезрело,

А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,

Ну, а если есть грусть – не беда!

Золотей твоих кос по курганам

Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески – в дым.

Но мечтать о другом, о новом,

Непонятном земле и траве,

Что не выразить сердцу словом

И не знает назвать человек.

[1923?]

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождей и черемух,

Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,

Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,

Но и с нею, с любимой, с другой, Расскажу про тебя, дорогую,

Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела?

[1923]

Я усталым таким еще не был.

В эту серую морозь и слизь

Мне приснилось рязанское небо

И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,

Да и сам я любил не одну,

Не от этого ль темная сила

Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи

И в разгуле тоска не впервые!

Не с того ли глаза мне точит,

Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,

И не радуется легкость побед, —

Тех волос золотое сено

Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,

Когда цедит осенняя муть.

Мне не жаль вас, прошедшие годы, —Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,

И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело

Ковылять из притона в притон,

Как в смирительную рубашку,

Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам, Умиряется бешеный пыл.

Но и все же отношусь я с поклоном

К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом, Где резвился на желтой траве, —Шлю привет воробьям, и воронам,

И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:

«Птицы милые, в синюю дрожь

Передайте, что я отскандалил, —

Пусть хоть ветер теперь начинает

Под микитки дубасить рожь».

[1923?]

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!

Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих

Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете

Всё, что душу облакает в плоть.

Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове.
Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебязьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.
Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

[1924]

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль, Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.
Не жаль мне лет, растроченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

[1924]

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака

И шумят, как ромашковый луг.

Мне припомнилась нынче собака,

Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,

Как подгнивший под окнами клен,

Но припомнил я девушку в белом,

Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,

Но она мне как песня была,

Потому что мои записки

Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,

И мой почерк ей был незнаком,

Но о чем-то подолгу мечтала

У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...

Не дождался... уехал... И вот

Через годы... известным поэтом

Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,

Но в ту ж масть, что с отливом в синь, С лаем ливисто ошалелым

Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!

Снова выплыла боль души.

С этой болью я будто моложе,

И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,

Но не лай ты! Не лай! Не лай!

Хочешь, пес, я тебя поцелую

За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом...

Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом.

[1924]

Письмо к женщине

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните,

Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься, А мой удел —Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму —Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь,

Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!

Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой

В прямую гуцу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?

Их мало, с опытной душой,

Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,

Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,

Спустился в корабельный трюм,

Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —

Русским кабаком.

И я склонился над стаканом,

Чтоб, не страдая ни о ком,

Себя сгубить

В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,

У вас была тоска

В глазах усталых:

Что я пред вами напоказ

Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,

Что в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

... ..

Теперь года прошли.

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином:

Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем;

Что не нужна вам наша маета,

И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

[1924]

Персидские мотивы

Улеглась моя былая рана —

Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами, Чтобы славилась пред русским чайхана, Угощает меня красным чаем

Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

Незадаром мне мигнули очи,

Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак,

Поцелуям учимся без денег,

Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,

Что лицом похожа на зарю,

Подарю я шаль из Хороссана

И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,

Я тебе вовеки не солгу.

За себя я нынче отвечаю,

За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень, Все равно калитка есть в саду...

Незадаром мне мигнули очи,

Приоткинув черную чадру.

[1924]

Я спросил сегодня у менялы,

Что дает за полтумана по рублю,

Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы

Легче ветра, тише Ванских струй, Как назвать мне для прекрасной Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,

В сердце робость глубже притая,

Как сказать мне для прекрасной Лалы, Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:

О любви в словах не говорят,

О любви вздыхают лишь украдкой,

Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,

Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют,

Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,

С нею знают радость и беду.

«Ты – моя» сказать лишь могут руки, Что срывали черную чадру.

[1924]

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,

Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз,

Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,

Эти волосы взял я у ржи,

Если хочешь, на палец вяжи —

Я нисколько не чувствую боли.

Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне

По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся,

Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже,

На тебя она страшно похожа,

Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

[1924]

Ты сказала, что Саади

Целовал лишь только в грудь.

Подожди ты, бога ради,

Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом

Розы лучше смертных дев».

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне —

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,

У меня заветов нет.

Коль родился я поэтом,

То целуюсь, как поэт.

19.XII.1924

Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном, Не возил я шелк туда и хну.

Наклонись своим красивым станом, На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,

Для тебя навеки дела нет,

Что в далеком имени – Россия —

Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,

При луне собачий слышу лай.

Разве ты не хочешь, персиянка,

Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —

Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебязьи руки

Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,

И хоть прошлой жизни не кляню,

Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,

Напои дыханьем свежих чар,

Чтобы я о дальней северянке

Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —

Я тебе придумаю о нем.

Все равно – глаза твои, как море, Голубым колышутся огнем.

[1924]

Свет вечерний шафранного края,

Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая,

Ту, которую пел Хаям.

Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,

Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,

Закрывая телесную медь?

Или, чтобы их больше любили,

Не желают лицом загореть,

Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,

Заучи эту заповедь вкратце,

Ведь и так коротка наша жизнь,

Мало счастьем дано любоваться.

Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке

Осеньет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки

Перед миром грешно закрывать,

Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

Я спую тебе сам, дорогая,

То, что сроду не пел Хаям...

Тихо розы бегут по полям.

[1925]

Воздух прозрачный и синий,

Выйду в цветочные чащи.

Путник, в лазурь уходящий,

Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,

Садом – в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.
Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.
Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.
Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

[1925]

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.
Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.
Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли, Не склоняйся к плитам головою.
Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помиришь лишь в сердце со врагом —И тебя блаженством ошафранит.
Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй, Если ж хочешь мертвым поклоняться, То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —

Так вторично скажет листьев медь.

Тех, которым ничего не надо,

Только можно в мире пожалеть.

[1925]

В Хороссане есть такие двери,

Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.

В Хороссане есть такие двери,

Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,

В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.

У меня в руках довольно силы,

Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.

И зачем? Кому мне песни петь? —

Если стала неревнивой Шага,

Коль дверей не смог я отпереть,

Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстаюсь

Из любви к родимому мне краю?

Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.

Пусть не смог я двери отпереть,

Ты дала красивое страданье,

Про тебя на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

[1925]

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв,

Позабыть о ласковом уресе

И глазах, задумчиво простых,

Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.
Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.
Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.
Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 25 год

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.
Быть поэтом – значит петь раздолье, Чтобы было для тебя известней,
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.
Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.
Магомет перехитрил в коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,

А любимая с другим лежит на ложе, Влагою живительной хранимый,

Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,

Будет вслух насвистывать до дома: «Ну и что ж, помру себе бродягой, На земле и это нам знакомо».

[1925]

Руки милой – пара лебедей —

В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко

И теперь пою про то же снова,

Потому и дышит глубоко

Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,

Сердце станет глыбой золотою,

Только тегеранская луна

Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить: Догореть ли в ласках милой Шаги

Иль под старость трепетно тужить

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:

Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь,

Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей:

Он бы пел нежнее и чудесней,

Да сгубила пара лебедей.

[1925]

«Отчего луна так светит тускло

На сады и стены Хороссана?

Словно я хожу равниной русской

Под шуршащим пологом тумана», —

Так спросил я, дорогая Лала,

У молчащих ночью кипарисов,

Но их рать ни слова не сказала,

К небу гордо головы завывив.

«Отчего луна так светит грустно?» — У цветов спросил я в тихой чаще, И цветы сказали: «Ты почувствуй

По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,

Лепестками тайно мне сказала:

«Шаганэ твоя с другим ласкалась, Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...

Сердцу – песнь, а песне – жизнь и тело...»

Оттого луна так тускло светит,

Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,

Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

... ..

Но и все ж вовек благословенны

На земле сиреневые ночи.

[1925]

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем,

Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары

Льют по каштанам в пролесь.

Лале склонясь на шальвары,

Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,

Часто смеемся и плачем:

Выпали нам на свете

Радости и неудачи.

Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,

Счастья искал повсюду,

Только удел желанный

Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.

Новой напьемся силой.

Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит

Рок, что течет лавиной,

И на любовь ответит

Песнею соловьиной.

Глупое сердце, не бойся.

[1925]

Голубая да веселая страна.

Честь моя за песню продана.

Ветер с моря, тише дуй и вей —

Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —Эта песня в сердце отзовется.

Ветер с моря, тише дуй и вей —

Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребенок, в этом спора нет,

Да и я ведь разве не поэт?

Ветер с моря, тише дуй и вей —

Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.

Много роз бывает на пути,

Много роз склоняется и гнется,

Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе – ты и я —

За такие милые края.

Ветер с моря, тише дуй и вей —

Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню продана, Но за Гелию в тенях ветвей

Обнимает розу соловей.

[1925]

Батум

Корабли плывут

В Константинополь.

Поезда уходят на Москву.

От людского шума ль

Иль от скопа ль

Каждый день я чувствую

Тоску.

Далеко я,

Далеко заброшен,

Даже ближе

Кажется луна.

Пригоршнями водяных горошин

Плещет черноморская

Волна.

Каждый день

Я прихожу на пристань,

Провожая всех,

Кого не жаль,

И гляжу все тягостней

И пристальней

В очарованную даль.

Может быть, из Гавра

Иль Марсея

Приплывет

Луиза иль Жаннет,

О которых помню я

Доселе,

Но которых

Вовсе – нет.

Запах моря в привкус

Дымно-горький,

Может быть,

Мисс Метчел

Или Клод

Обо мне вспомнят

В Нью-Йорке,

Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем

В этом мире буром

Нас зовущие

Незримые следы.

Не с того ль,

Как лампы с абажуром,

Светятся медузы из воды?

Оттого

При встрече иностранки

Я под скрипы

Шхун и кораблей

Слышу голос

Плачущей шарманки

Иль далекий

Округ журавлей.

Не она ли это?

Не она ли?

Ну да разве в жизни

Разберешь?

Если вот сейчас ее

Догнали

И умчали

Брюки клеш.

Каждый день

Я прихожу на пристань,

Провожая всех,

Кого не жаль,

И гляжу все тягостней

И пристальней

В очарованную даль.

А другие здесь

Живут иначе.

И недаром ночью

Слышен свист, —

Это значит,

С ловкостью собачьей

Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится

Быстри.

Не уйдет подмеченный им

Враг,

Оттого так часто

Слышен выстрел

На морских, соленых

Берегах.

Но живуч враг,

Как ни вздынь его,

Потому синеет

Весь Батум.

Даже море кажется мне

Индиго

Под бульварный

Смех и шум.

А смеяться есть чему

Причина.

Ведь не так уж много

В мире див.

Ходит полоумный

Старичина,

Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,

Я вновь иду на пристань,

Провожая всех,

Кого не жаль,

И гляжу все тягостней

И пристальней

В очарованную даль.

1924

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,

Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне

На тихую, бесшумную погоду.

Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.

Пойми со мной хоть самое простое.

Ведь ты не знаешь, что такое жизнь, Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,

И у него гостей бывает в доме много, И каждый, улыбаясь, норовит

Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив, С такую милою доверчивой приятцей.

И, никого ни капли не спросив,

Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей

Так много всяких и невсяких было.

Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку

За все, в чем был и не был виноват.

[1925]

Песня

Есть одна хорошая песня у соловушки —Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, росла – ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.

Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.

Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.

В темноте мне кажется – обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.

Только знаю – милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая, Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками, Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?

В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки, Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, была – ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

[1925]

Ну, целуй меня, целуй,

Хоть до крови, хоть до боли.

Не в ладу с холодной волей

Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка

Средь веселых не для нас.

Понимай, моя подружка,

На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,

Посмотри: во мгле сырой

Месяц, словно желтый ворон,

Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.

Песню тлен пропел и мне.

Видно, смерть мою почуял

Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!

Умирать так умирать!

До кончины губы милой

Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,

Не стыдясь и не тая,

В нежном шелесте черемух

Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой

Легкой пеной не погас —

Пей и пой, моя подружка:

На земле живут лишь раз!

1925

Синий май. Заревая теплынь.

Не прозвякнет кольцо у калитки.

Липким запахом веет полынь.

Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна

Вместе с рамами в тонкие шторы

Вяжет взбалмошная луна

На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,

Но чиста. Я с собой на досуге...

В этот вечер вся жизнь мне мила, Как приятная память о друге.

Сад польщит, как пенный пожар,

И луна, напрягая все силы,

Хочет так, чтобы каждый дрожал

От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь, Под тальянку веселого мая,

Ничего не могу пожелать,

Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю – приди и явись,

Всё явись, в чем есть боль и отрада..

Мир тебе, отшумевшая жизнь.

Мир тебе, голубая прохлада.

[1925]

Вижу сон. Дорога черная.

Белый конь. Стопа упорная.

И на этом на коне

Едет милая ко мне.

Едет, едет милая,

Только нелюбимая.

Эх, береза русская!

Путь-дорога узкая.

Эту милую, как сон,

Лишь для той, в кого влюблен,

Удержи ты ветками,

Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.

Хорошо копытит конь.

Свет такой таинственный,

Словно для единственной —

Той, в которой тот же свет

И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.

От стихов дурак и пьян.

Но и все ж за эту прыть,

Чтобы сердцем не остыть,

За березовую Русь

С нелюбимой помирюсь.

[1925]

Видно, так заведено навеки —

К тридцати годам перебежась,

Все сильней, прожженные калеки,

С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днем.

Оттого и сердцу стало сниться,

Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая, И недаром в липовую цветь

Вынул я кольцо у попугая —

Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.

Сняв с руки, я дал его тебе,

И теперь, когда грустит шарманка, Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,

И на сердце изморозь и мгла:

Может быть, кому-нибудь другому

Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета, Он тебя расспрашивает сам,

Как смешного, глупого поэта

Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.

Только горько видеть жизни край.

В первый раз такого хулигана

Обманул проклятый попугай.

[1925]

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.
Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.
Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать.
Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.
Только я забыл, что я крестьянин, И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.
Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик.

[1925]

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.
Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.
Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.
И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.
Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?
С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.
Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.
Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.
Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.
Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млеп
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

[1925]

Гори, звезда моя, не падай,

Роняй холодные лучи.

Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью

И наполняешь тишь полей

Такой рыдалистою дрожью

Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,

Не то за рощей – за холмом

Я снова чью-то песню слышу

Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,

В березах убавляя сок,

За всех, кого любил и бросил,

Листою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро

Ни по моей, ни чьей вине

Под низким траурным забором

Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,

И сердце превратится в прах.

Друзья поставят серый камень

С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,

Я для себя сложил бы так:

Любил он родину и землю,

Как любит пьяница кабак.

[1925]

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку

Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.

Под чужую песню и смеюсь и плачу.

[1925]

Жизнь – обман с чарующей тоскою, Оттого так и сильна она,

Что своею грубою рукою

Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,

Говорю: «Лишь сердце потревожь,

Жизнь – обман, но и она порою

Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,

По луне гадая о судьбе,

Успокойся, смертный, и не требуй

Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге

Думать так, что эта жизнь – стезя.

Пусть обманут легкие подруги,

Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом, Пусть острее бритвы злой язык, —Я живу давно на всё готовым,

Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,

Нет тепла от звездного огня.

Те, кого любил я, отреклись,

Кем я жил – забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,

Я, смотря с улыбкой на зарю,

На земле, мне близкой и любимой, Эту жизнь за все благодарю.

[1925]

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!

Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога.

Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит – проживет не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.

Все равно не будет то, что было раньше.

За былую силу, гордость и осанку

Только и осталась песня под тальянку.

[1925]

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,

Только, знаешь, в душе затаю

Не в плохой, а в хорошей обиде —Повторяешь ты юность мою.

Ты – мое васильковое слово,

Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова,

Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,

Исцеляй меня детским сном.

Отгорела ли наша рябина,

Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?

Я навеки покинул село,

Только знаю – багряной метелью

Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе

Вместо ласки и вместо слез

У ворот, как о сгибшей невесте,

Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо, Потому и достался не в срок,

Как любовь, как печаль и отрада, Твой красивый рязанский платок.

[1925]

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде

Напевала нам старая мать.

Не жалея о сгибшей надежде,

Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,

Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.
Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.
Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.
Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.
Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.
Потому так и сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.
[1925]

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.
В первый раз я от месяца греюсь, В первый раз от прохлады согрет, И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.
Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.
Потому и навеки не скрою,

Что любить не отдельно, не врозь —Нам одною любовью с тобою

Эту родину привелось.

[1925]

Эх вы, сани! А кони, кони!

Видно, черт их на землю принес.

В залихватском степном разгоне

Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая

В далеко, в стороне, в пустыре.

Поддержись, моя жизнь удалая,

Я ещё не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, —Хочешь, сам я тебе подпою

Про лукавые девичьи очи,

Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,

Да заложишь в оглобли коня,

Да приляжешь на сена охапку, —

Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,

А в полуночную тишину

Разговорчивая тальянка

Уговаривала не одну.

Всё прошло. Поредел мой волос.

Конь издох, опустел наш двор.

Потеряла тальянка голос,

Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,

Так приятны мне снег и мороз,

Потому что над всем, что было,

Колокольчик хохочет до слез.

[1925]

Снежная замать дробится и колется, Сверху озябшая светит луна.

Снова я вижу родную околицу,

Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.

То, что далось мне, про то и пою.

Вот я опять за родительским ужином, Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся, Тихо, безмолвно, как будто без мук.

Хочет за чайную чашку взяться —

Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,

С думами грустными ты не дружись, Слушай — под эту гармонику снежную

Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел и много я странствовал, Много любил я и много страдал,

И оттого хулиганил и пьянствовал, Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,

Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.

Снова я ожил и снова надеюсь

Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы, В диком и шумном метельном чаду, Кажется мне — осыпаются липы,

Белые липы в нашем саду.

[1925]

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.

Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив, По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланный!

Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?

И станцуем вместе под тальянку трое.

[1925]

Голубая кофта. Синие глаза.

Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?

Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты

Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель, У меня на сердце без тебя метель».

[1925]

Снежная замять крутит бойко,

По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.

Где мое счастье? Где моя радость?

Всё укатилось под вихрем бойким

Вот на такой же бешеной тройке.

[1925]

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо

Всё пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...

Синее счастье! Лунные ночи!

[1925]

Не криви улыбку, руки беребя,

Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо — Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно — Просто захотелось заглянуть в окно.

[1925]

Плачет метель, как цыганская скрипка.

Милая девушка, злая улыбка,

Я ль не робею от синего взгляда?

Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —

Ты молодая, а я всё прожил.

Юношам счастье, а мне лишь память

Снежную ночь в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.

Сердце метелит твоя улыбка.

[1925]

Свищет ветер, серебряный ветер,

В шелковом шелесте снежного шума.

В первый раз я в себе заметил —

Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость, Я не жалею, и я не печален.

Мне все равно эта жизнь полюбилась, Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —Я уж взволнован. Какие плечи!

Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!

Счастье людское землей любимо.

Тот, кто хоть раз на земле заплачет, —Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще, Всё принимая, что есть на свете.

Вот почему, обалдев, над рощей

Свищет ветер, серебряный ветер.

[1925]

Цветы мне говорят – прощай,

Головками склоняясь ниже,

Что я навеки не увижу

Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!

Я видел их и видел землю,

И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —Я говорю на каждый миг,

Что все на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой, Печаль ушедшего не сгложет,

Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,

Любимая с другим любимым,

Быть может, вспомнит обо мне

Как о цветке неповторимом.

X-25

Цветы

I

Цветы мне говорят прощай,

Головками кивая низко.

Ты больше не увидишь близко

Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!

Я видел вас и видел землю,

И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.

Ну как же не любить мне вас,

Как не любить мне вас, цветы?

Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.

С моей душой стряслась беда.

С душой моей стряслась беда.

Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл

Мне в душу песней позвонил

И рассказал, что васильки

Очей любимых далеки.

Не пой! не пой мне! Пощади.

И так огонь горит в груди.

Она пришла, как к рифме «вновь»

Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог

Узнать, что сердцем я продрог,

Не всякий этот холод в нем

Мог растопить своим огнем.

Не всякий, длани кто простер,

Поймать сумеет долю злую.

Как бабочка – я на костер

Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,

Не называю их цветами.

Хоть прикасаюсь к ним устами,

Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,

Который врос корнями в землю,

Его люблю я и приемлю,

Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,

Цветы – предшественники ягод,

Они на землю градом лягут,

Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.

Цветы рябин другое дело.

Они как жизнь, как наше тело,

Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! Прости, прости.

Ничто не обошел я мимо.

Но мне милее на пути,

Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.

Помрем – за нас придут другие.

Но это все же не такие —

Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,

Головками кивая низко,

Что не увидеть больше близко

Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидеть.

Я поражен другим цветеньем

И потому словесным пеньем

Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?

О милая, почувствуй ты,

Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,

А эта разве голова

Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть

Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей, Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.
Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.
Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.
И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.
Клен ты мой опавший, клен заледенелый, Что стоишь нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.
И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки.
Там вон встретил вербу, там сосну приметил, Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску, Как жену чужую, обнимал березку.

28.XI.25

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.
Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.
Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.
Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.
Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.
Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.
Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30.XI.25

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
Да, ты кажешься мне распростертой, И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой, Ловит воронов и воронят.
Ну, и что же, лови, я не струшу.

Только как бы твой пыл не погас?

На мою охладевшую душу

Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,

Ты лишь отзвук, лишь только тень.

Мне в лице твоём снится другая,

У которой глаза – голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой

И, пожалуй, на вид холодна,

Но она величавой походкой

Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,

И не хочешь пойти, да пойдешь,

Ну, а ты даже в сердце не вранишь

Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,

Я смущенно откроюсь навек:

Если б не было ада и рая,

Их бы выдумал сам человек.

1.XII.25

Ты меня не любишь, не жалеешь,

Разве я немного не красив?

Не смотря в лицо, от страсти млеешь, Мне на плечи руки опустил.

Молодая, с чувственным оскалом,

Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи мне, скольких ты ласкала?

Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я – они прошли, как тени,

Не коснувшись твоего огня,

Многим ты садилась на колени,

А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи

И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень,

Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,

Легкодумна вспыльчивая связь, —

Как случайно встретился с тобою, Улыбнись, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой

Распылять безрадостные дни,

Только нецелованных не трогай,

Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку

Ты пройдешь, болтая про любовь,

Может быть, я выйду на прогулку, И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи

И немного наклонившись вниз,

Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»

Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,

И ничто ее не бросит в дрожь, —

Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь.

4.XII.25

Может, поздно, может, слишком рано, И о чем не думал много лет,

Походить я стал на Дон-Жуана,

Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?

Каждый день я у других колен.

Каждый день к себе теряю жалость, Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше

Билось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин — Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,

Я всегда отмечен был тобой.

На душе холодное кипенье

И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,

И все то же слышно сквозь туман, — За свободу в чувствах есть расплата, Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,

Вижу я, что мне одно и то ж —

Чтить метель за синий цветень мая, Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною случилось, И с того у многих я колен,

Чтобы вечно счастье улыбалось,

Не смиряясь с горечью измен.

13.XII.25

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати, Заодно с другими на земле.
И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.
«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь.
Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.
Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.
Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

[1925]

Поэмы

Анна Снегина

А. Воронскому

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.
Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.
Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохой
На паре заезженных кляч.
Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.

Однажды мы их застали...

Они в топоры, мы тож.

От звона и скрежета стали

По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.

И в нашу и в их вину

Вдруг кто-то из них как ахнет! —И сразу убил старшину.

На нашей быдластой сходке

Мы делу условили ширь.

Судили. Забили в колодки

И десять услали в Сибирь,

С тех пор и у нас неуряды.

Скатилась со счастья вожа.

Почти что три года кряду

У нас то падеж, то пожар».

Такие печальные вести

Возница мне пел весь путь.

Я в радовские предместья

Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.

За чей-то чужой интерес

Стрелял я в мне близкое тело

И грудью на брата лез.

Я понял, что я – игрушка,

В тылу же купцы да знать,

И, твердо простившись с пушками, Решил лишь в стихах воевать.

Я бросил мою винтовку,

Купил себе «липу»[1], и вот

С такою-то подготовкой

Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.

И в розово-смердном огне

Тогда над странюю калифствовал

Керенский на белом коне.

Война «до конца», «до победы».

И ту же сермяжную рать

Прохвосты и дармоеды

Сгоняли на фронт умирать.

Но все же не взяв я шпагу...

Под грохот и рев мортир

Другую явил я отвагу —

Был первый в стране дезертир.

Дорога довольно хорошая,

Приятная хладная звень.

Луна золотою порошею

Осыпала даль деревень.

«Ну, вот оно, наше Радово, —

Промолвил возница, —

Здесь!

Недаром я лошади вкладывал

За норы ее и спесь.

Позволь, гражданин, на чайшко.

Вам к мельнику надо?

Так вон!..

Я требую с вас без излишка

За дальний такой прогон».

... ..

Даю сороковку.

«Мало!»

Даю еще двадцать.

«Нет!»

Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.

«Да что ж ты?

Имеешь ли душу?

За что ты с меня гребешь?»

И мне отвечает туша:

«Сегодня плохая рожь.

Давайте еще незвонких

Десяток иль штук шесть —

Я выпью в шинке самогонки

За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...

Ельник

Осыпан свечью светляков.

От радости старый мельник

Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?

Сергуха!

Озяб, чай? Поди продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,

Особенно так в конце.

Был вечер задумчиво чудный,

Как дружья улыбка в лице.

Объяття мельника круты,

От них заревет и медведь,

Но все же в плохие минуты

Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!

Сим летом грибов и ягод

У нас хоть в Москву отбавляй.

И дичи здесь, братец, до черта,

Сама так под порох и прет.

Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

.....

.....

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.

По-старому с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Состарившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.

Тот образ во мне не угас...

Мы все в эти годы любили,

Но мало любили нас.

«Ну что же! Вставай, Сергуша!

Еще и заря не текла,

Старуха за милую душу

Оладьев тебе напекла.

Я сам-то сейчас уеду

К помещице Снегиной...

Ей

Вчера настрелял я к обеду

Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!

Встаю, одеваюсь, иду.

Дымком отдает росяница

На яблонях белых в саду.

Я думаю:

Как прекрасна

Земля

И на ней человек.

И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!

И сколько зарыто в ямах!

И сколько зароят еще!

И чувствую в скулах упрямых

Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!

Не пойду навеки.

За то, что какая-то мразь

Бросает солдату-калеке

Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!

Ты что-то немного сдала?»

И слышу сквозь кашель глухо:

«Дела одолели, дела.

У нас здесь теперь неспокойно.

Испариной все зацвело.

Сплошные мужицкие войны —

Дерутся селом на село.

Сама я своими ушами

Слыхала от прихожан:

То радовцев бьют криушане,

То радовцы бьют криушан.

А все это, значит, безвластье.

Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.

Открыли зачем-то остроги,

Злодеев пустили лихих.

Теперь на большой дороге

Покою не знай от них.

Вот тоже, допустим... с Криуши...

Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,

Они ж, воровские души,

Вернулись опять домой.

У них там есть Прон Оглоблин,

Булдыжник, драчун, грубиян.

Он вечно на всех озлоблен,

С утра по неделям пьян.

И нагло в третьевом годе,

Когда объявили войну,

При всем честном народе

Убил топором старшину.

Таких теперь тысячи стало

Творить на свободе гнусь.

Пропала Расея, пропала...

Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы

И, взяв свою шляпу и трость,

Пошел мужикам поклониться,

Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой

И вижу – навстречу мне

Несется мой мельник на дрожках

По рыхлой еще целине.

«Сергуха! За милую душу!

Постой, я тебе расскажу!

Сейчас! Дай поправить вожжу,

Потом и тебя оглошу.

Чего ж ты мне утром ни слова?

Я Снегиным так и бряк.

Приехал ко мне, мол, веселый

Один молодой чудака.

(Они ко мне очень желанны,

Я знаю их десять лет.)

А дочь их замужняя Анна

Спросила:

– Нет тот ли, поэт?

– Ну, да, – говорю, – он самый.

– Блондин?

– Ну, конечно, блондин!

– С кудрявыми волосами?

– Забавный такой господин!

– Когда он приехал?

– Недавно.

– Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,

Он был забавно

Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,

А нынче...

Поди ж ты...

Вот...

Писатель...

Известная шишка...

Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,

Лукаво прищурил глаз:

«Ну, ладно! Прощай до обеда.

Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу

И тростью сшибал зелена.

Ничто не пробилось мне в душу,

Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.
Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,

Что землю не троньте,

Еще не настал, мол, миг.

За что же тогда на фронте

Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой

Смотрел мне в лицо и в глаза,

А я, отягченный думой,

Не мог ничего сказать.

Дрожали, качались ступени,

Но помню

Под звон головы:

«Скажи,

Кто такое Ленин?»

Я тихо ответил:

«Он – вы».

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.
Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.
... ..
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой.

Коснувшись до вас рукой.

Да...

Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.

Когда-то я очень любила

Сидеть у калитки вдвоем.

Мы вместе мечтали о славе...

И вы угодили в прицел,

Меня же про это заставил

Забывать молодой офицер...»

Я слушал ее и невольно

Оглядывал стройный лик.

Хотелось сказать:

«Довольно!

Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,

Смущенно сказал невпопад:

«Да... Да...

Я сейчас вспоминаю...

Садитесь.

Я очень рад.

Я вам прочитаю немного

Стихи

Про кабацкую Русь...

Отделано четко и строго.

По чувству – цыганская грусть».

«Сергей!

Вы такой нехороший.

Мне жалко,

Обидно мне,

Что пьяные ваши дебоши

Известны по всей стране.

Скажите:

Что с вами случилось?»

«Не знаю».

«Кому же знать?»

«Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать».

«Шутник вы...»

«Вы тоже, Анна».

«Кого-нибудь любите?»

«Нет».

«Тогда еще более странно

Губить себя с этих лет:

Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль.

Не знаю, зачем я трогал

Перчатки ее и шаль.

... ..

Луна хохотала, как клоун.

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Расстались мы с ней на рассвете

С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,

А с летом прекрасное в нас.

Мой мельник...

Ох, этот мельник!

С ума меня сводит он.

Устроил волюнку, бездельник,

И бегают, как почтальон.

Сегодня опять с запиской,

Как будто бы кто-то влюблен:

«Придите.

Вы самый близкий.

С любовью

Оглоблин Прон».

Иду.

Прихожу в Криушу.

Оглоблин стоит у ворот

И спьяну в печенки и в душу

Костит обнищальный народ.

«Эй, вы!

Тараканье отродье!

Все к Снегиной!..

Р-раз и квас!

Даешь, мол, твои угодыя

Без всякого выкупа с нас!»

И тут же, меня завидя,

Снижая сварливую прыть,

Сказал в неподдельной обиде:

«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»

«Конечно, ни жать, ни косить.

Сейчас я достану лошадь

И к Снегиной... вместе...

Просить...»

И вот запрягли нам клячу.

В оглоблях мосластая шкетъ —

Таких отдают с придачей,

Чтоб только самим не иметь.

Мы ехали мелким шагом,

И путь нас смешил и злил:

В подъемах по всем оврагам

Телегу мы сами везли.

Приехали.

Дом с мезонином

Немного присел на фасад.

Волнующе пахнет жасмином

Плетневый его палисад.

Слезаем.

Подходим к террасе

И, пыль отряхая с плеч,

О чьем-то последнем часе

Из горницы слышим речь:

«Рыдай не рыдай — не помога...

Теперь он холодный труп...

Там кто-то стучит у порога...

Припудрись...

Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама

Откинула добрый засов.

И Прон мой ей брякнул прямо

Про землю,

Без всяких слов.

«Отдай!.. —

Повторял он глухо. —

Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха

Она принимала слова.

Потом в разговорную очередь

Спросила меня

Сквозь жуть:

«А вы, вероятно, к дочери?

Присядьте...

Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню

Тех дней роковое кольцо.

Но было совсем не легко мне

Увидеть ее лицо.

Я понял —

Случилось горе,

И молча хотел помочь.

«Убили... Убили Борю...

Оставьте!

Уйдите прочь!

Вы – жалкий и низкий трусишка.

Он умер...

А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.

Не всякий рожден перенести.

Как язвы, стыдясь оплеухи,

Я Прону ответил так:

«Сегодня они не в духе...

Поедем-ка, Прон, в кабак...»

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.
Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровой.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.
Мой мельник всю улыбаётся,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.

Едри ж твою в бабушку плюнуть!

Гляди, голубарь, веселей!

Я первый сейчас же коммуны

Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,

Мужик – что твой пятый туз:

При всякой опасной минуте

Хвальбишка и дьявольский трус.

Таких вы, конечно, видали.

Их рок болтовней наградил.

Носил он две белых медали

С японской войны на груди.

И голосом хриплым и пьяным

Тянул, заходя в кабак:

«Прославленному под Ляояном

Ссудите на четвертак...»

Потом, насосавшись до дури,

Взволнованно и горячо

О сдавшемся Порт-Артуре

Соседу слезил на плечо.

«Голубчик! —

Кричал он. —

Петя!

Мне больно... Не думай, что пьян.

Отвагу мою на свете

Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.

Живут, не мозоля рук.

И вот он, конечно, в Совете,

Медали запрятал в сундук.

Но с тою же важной осанкой,

Как некий седой ветеран,

Хрипел под сивушной банкой

Про Нерчинск и Турухан:

«Да, братец!

Мы горе видали, —

Но нас не запугивал страх...»

.....

Медали, медали, медали

Звенели в его словах.

Он Прону вытягивал нервы,

И Прон материл не судом.

Но все ж тот поехал первый

Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:

«Дашь! Разберем потом!»

Весь хутор забрали в волость

С хозяйками и со скотом.

А мельник...

... ..

Мой старый мельник

Хозяек привез к себе,

Заставил меня, бездельник,

В чужой ковыряться судьбе.

И снова нахлынуло что-то...

Тогда я всю ночь напролет

Смотрел на скривленный заботой

Красивый и чувственный рот.

Я помню —

Она говорила:

«Простите... Была не права...

Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...

Но вас

Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,

Что страстью преступной зовут.

Конечно,

До этой осени

Я знала б счастливую быль...

Потом бы меня вы бросили,

Как выпитую бутылъ...

Поэтому было не надо...

Ни встреч... ни вообще продолжать.

Тем более с старыми взглядами

Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,

Уставясь в ее глаза,

И тело ее тугое

Немного качнулось назад.

«Скажите,

Вам больно, Анна,

За ваш хуторской разор?»

Но как-то печально и странно

Она опустила свой взор...

... ..

«Смотрите...

Уже светает.

Заря как пожар на снегу...

Мне что-то напоминает...

Но что?..

Я понять не могу...

Ах!.. Да...

Это было в детстве...

Другой... Не осенний рассвет...

Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно

И лебедя выгнув рукой,

Сказала как будто небрежно:

«Ну, ладно...

Пора на покой...»

... ..

Под вечер они уехали.

Куда?

Я не знаю куда.

В равнине, проложенной вехами,

Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,

Не знаю, что сделал Прон.

Я быстро умчался в Питер

Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».
Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.
Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криуцу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!

Соберись, на милость!

Прижваривай по весне!

У нас здесь такое случилось,

Чего не расскажешь в письме.

Теперь стал спокой в народе,

И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе

Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...

Дуровая зыкъ она.

Хошь верь, хошь не верь ушам —

Однажды отряд Деникина

Нагрянул на криушан.

Вот тут и пошла потеха...

С потехи такой – околеть.

Со скрежетом и со смехом

Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,

Лабутя ж в солому залез

И вылез,

Лишь только кони

Казацкие скрылись в лес.

Теперь он по пьяной морде

Еще не устал голосить:

«Мне нужно бы красный орден

За храбрость мою носить».

Совсем прокатились тучи...

И хоть мы живем не в раю,

Ты все ж приезжай, голубчик,

Утешить судьбину мою...»

*

И вот я опять в дороге.

Ночная июньская хмарь.

Бегут говорливые дроги

Ни шатко ни валко, как встарь.

Дорога довольно хорошая,

Равнинная тихая звень.

Луна золотою порошею

Осыпала даль деревень.

Мелькают часовни, колодцы,

Околицы и плетни.

И сердце по-старому бьется,

Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице... Ельник

Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов:

«Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог.

Сергунь! Золотой! Послушай!

... ..

И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко.

Да ты не спеши, голубок.

Почти что два месяца с лишком

Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!

И почерк такой беспечный,

И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...

Я тоже, как вы, жива.

Так часто мне снится ограда,

Калитка и ваши слова.

Теперь я от вас далеко...

В России теперь апрель.

И синею заволокой

Покрыта береза и ель.

Сейчас вот, когда бумаге

Вверяю я грусть моих слов,

Вы с мельником, может, на тяге

Подслушиваете тетеревов.

Я часто хожу на пристань

И, то ли на радость, то ль в страх, Гляжу среди судов все пристальной

На красный советский флаг.

Теперь там достигли силы.

Дорога моя ясна...

Но вы мне по-прежнему милы,

Как родина и как весна».

... ..

Письмо как письмо.

Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет.

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..

Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,

Но, значит,

Любили и нас.

Январь 1925 г.

Батум

Черный человек

Друг мой, друг мой,

Я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит

Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рошу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,

Как крыльями птица.

Ей на шее ноги

Маячить больше невмочь.

Черный человек,

Черный, черный,

Черный человек

На кровать ко мне садится,

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек

Водит пальцем по мерзкой книге

И, гнусавя надо мной,

Как над усопшим монах,

Читает мне жизнь

Какого-то прохвоста и забулдыги, Нагоняя на душу тоску и страх.

Черный человек,

Черный, черный!

«Слушай, слушай, —

Бормочет он мне, —

В книге много прекраснейших

Мыслей и планов.

Этот человек

Проживал в стране

Самых отвратительных

Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране

Снег до дьявола чист,

И метели заводят

Веселые прялки.

Был человек тот авантюрист,

Но самой высокой

И лучшей марки.

Был он изящен,

К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И свою милою.
Счастье, – говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».
«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».
Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.....

Друг мой, друг мой,

Я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит

Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рошу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.

Тих покой перекрестка.

Я один у окошка,

Ни гостя, ни друга не жду.

Вся равнина покрыта

Сыпучей и мягкой известкой,

И деревья, как всадники,

Съехались в нашем саду.

Где-то плачет

Ночная зловещая птица.

Деревянные всадники

Сеют копытливый стук.

Вот опять этот черный

На кресло мое садится,

Приподняв свой цилиндр

И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —

Хрипит он, смотря мне в лицо,

Сам все ближе

И ближе клонится. —

Я не видел, чтоб кто-нибудь

Из подлецов

Так ненужно и глупо

Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!

Ведь нынче луна.

Что же нужно еще

Напоенному дремой мируку?

Может, с толстыми ляжками

Тайно придет «она»,

И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?
Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.
Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою». —
«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится». —
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
... ..
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!

Что ты, ночь, наковеркала?

Я в цилиндре стою.

Никого со мной нет.

Я один...

И разбитое зеркало...

[1925]

Примечания

1 «Липа» – подложный документ. (Прим. С.А. Есенина.)